

морозить ее, как страну, являющуюся воплощением ненавистности к капитализму. В действительности, как известно, даже и осуществимые технические проекты не ведут в Советской России к возрастанию материального благополучия. Достоевский давно уже предсказал, что попытка строить «Вавилонскую башню» только на основах науки «без Бога и религии», без нравственного обоснования общественных отношений, как это делается советскими коммунистами, неизбежно приведет к совершенному обнищанию и омертвлению.

Призыв Сетницкого осуществлять идеальное совершенство на земле, а не в потустороннем Царствѣ Божіемъ глубоко отличается от советскаго строительства тѣм, что опирается на христіанскую мораль, не допускающую третированія цѣлыхъ групп населенія, как навоза для удобренія полей, жатвою с которыхъ будутъ питаться будущія поколѣнія. Онъ хочетъ построить царство счастья для всѣхъ безъ исключенія. Однако для него, как и для Н. Федорова, характерно чрезмѣрное преувеличеніе значенія техники, регулирующей природу. Последній шагъ для достиженія абсолютнаго совершенства осуществляется не техникою, а глубокимъ нравственнымъ перерожденіемъ человѣческаго я, свободнымъ преодоленіемъ в себѣ всякой эгоистической исключительности, т. е. поднятіемъ на ту ступень, на которой человѣкъ подлинно любитъ Бога больше себя, и ближняго, какъ самаго себя. Слѣдствіемъ этого внутренняго

переворота является преобращеніе тѣла, столь глубокое, что техника, управляющая непроизвѣстной матеріею, становится излишнею. Однако в земныхъ условіяхъ, гдѣ этотъ идеалъ не осуществленъ, человѣкъ нравственно обязанъ использовать и нашу технику для максимальной гармонизаціи жизни, достижимой в земныхъ условіяхъ. Какъ разъ в наше время человѣчество начинаетъ ставить все болѣе смѣлыя технические и социальныя задачи. Для работы надъ ними нуженъ энтузіазмъ, доводящій человѣка до самоотверженія, побуждающій считать рѣшеніе ихъ осуществленіемъ Царства Божія на землѣ, а не просто однимъ изъ этаповъ на пути къ совершенству. Быть можетъ, это одна изъ уловокъ «хитрости разума» (терминъ Гегеля), руководящаго историческимъ процессомъ, что в наше время появляются такія ученія, какъ философія Федорова и Сетницкаго, чрезчуръ преувеличивающіе значеніе техники.

Н. Лосскій.

*Friedrich v. GOTTL-OTTLI-
LIENFELD. Der Mythos
der Planwirtschaft. Verlag
Gustav Fischer. Jena 1932.
S. 114.*

В настоящее время каждый экономистъ такъ или иначе подходитъ къ проблемѣ государственнаго вмешательства в хозяйственную жизнь. Не только в научныхъ книгахъ, но и в газетахъ постоянно приходится встрѣчать разныя соображенія о пользѣ или вредѣ «плановаго хозяйства»,

причем авторы вкладывают в это понятие различное содержание. Получается впечатление, что этот научный термин превратился в боевой лозунг и служит противоположным политическим страстям. Поэтому появление небольшой, но весьма содержательной и вполне научной книги о планировании хозяйства, написанной теоретическим отцом рационализации и авторитетным экономистом экономистом Фридрихом фон Готль, не может не обратить на себя внимание специалистов. Автор поставил себя интересную и полезную цель разобраться в возможных значениях термина «плановое хозяйство» и наметить границы для здорового вмешательства государства в хозяйственную жизнь.

Являясь противником экономического либерализма в его чистой форме и считая принцип «laissez faire» за вредный миф, фон Готль все-же отказывается признать за свободным хозяйством его якобы совсем бесплановый и как бы даже анархический характер. Он справедливо отмечает, что и в условиях экономического либерализма народное хозяйство подчиняется «техническому регулированию» со стороны отдельных единичных хозяйств и не может избежать действительного вмешательства торговых традиций и обычного права. Однако это по существу «свободное» регулирование хозяйственной жизни еще не создает планового хозяйства, так как оно лишено единой руководящей идеи — что впрочем не

означает победы хаоса над разумом. Не имеет такой идеи также и «принудительное регулирование» со стороны частных хозяйственных монополий и профессиональных объединений. Лишь вмешательство государства в свободную игру производительных сил, даже элементарными мерами повседневной экономической политики, приносит некоторую подлинную «плановость» в техническое и бытовое регулирование хозяйства со стороны его частного сектора. Отсюда фон Готль заключает, что частичное проявление «планового хозяйства» присуще всякой исторической стадии капитализма. Если все-же эта система не является по существу плановой, то это можно объяснить лишь тем, что экономическая политика капиталистического государства не проявляет должной согласованности всех своих мероприятий. Только рационализация государственного вмешательства в экономику страны в духе той или иной направляющей идеи, хотя бы и не имеющей «целостного» характера, может создать — по мнению автора — единственно возможную форму планового хозяйства, в которой техническое регулирование со стороны частного сектора найдет для себя полезную, а подчас и необходимую, корректуру в форме регулятивного этатизма. Отсюда мы видим, что фон Готль не мыслит планового хозяйства в интегральном виде, где плановый момент сказался бы не только в рационализации экономической поли-

тики, но и в поглощеніи технического и бытового регулированія принудительным хозяйственным планом государства.

К сожалѣнію, автор придает столь большое значеніе упорядоченію государственнаго вмѣшательства в хозяйственную жизнь в его настоящих переходных формах, что не отдает себѣ должнаго отчета в тѣх грандіозных и активных задачах, которыя ставятся перед государством дальнейшей эволюціей капиталистическаго строя. Хотя фон Готль признает, что регулятивный этиатизм вырос за послѣдніе годы, он все-же считает это явленіе случайным и несущественным. По мысли автора государственное вмѣшательство развивается волнообразно и не является показателем каких-либо структурных измѣненій в капитализмѣ. Даже рационализациа экономической политики государства, создающая «плановое хозяйство» *sui generis*, не реформирует, а лишь нѣсколько усовершенствует (по его мнѣнію) хозяйственный строй, устраняя хаос, вызываемый случайными мѣропріятіями власти, и обезпечивая государству возможность дѣйствительнаго вмѣшательства при перебоях в техническом и бытовом регулированіи со стороны частнаго сектора.

Нам думается, что стремленіе автора разрушить легенду о постепенном вростаніи капитализма в интегральное плановое хозяйство, которое он вообще считает практически неосуществимым, приводит его, к сожалѣнію, к явной

переоцѣнкѣ повторяемости экономических явленій. Вѣдь никогда рост регулятивнаго этиатизма не был столь неизбѣжен как в условиях современнаго глубокаго разрыва между производством и потребленіем, вызваннаго послѣдней технической революціей. Внѣ дальнѣйшаго осторожнаго расширенія государственнаго вмѣшательства в народное хозяйство сейчас не может быть дѣйствительной рационализациа экономической политики, которую так настоятельно рекомендует фон Готль. К тому-же подчиненіе принудительнаго регулированія со стороны государства единой руководящей идеѣ не сможет не вызвать в данном хозяйствѣ цѣлага ряда существенных реформ в духѣ господствующаго міровоззрѣнія. Не подлежит сомнѣнію, что содержательный и весьма полезный труд фон Готля выиграл бы в своем объективном значеніи и даже в логической стройности, если бы автор отказался от своего утвержденія, что рост регулятивнаго этиатизма, наблюдаемый в наши дни, является лишь періодическим явленіем.

Б. С. Ивбодин.

FEDOR STEPUN. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern/Leipzig. Gotthelf-Verlag, 1934.

Это небольшая, блестяще написанная книжечка двойким образом связана с «Новым Градом»: именем автора, одного из его ре-